

*Вера
Аржанцова*

* * *

*Удержи голос твой от рыданий,
а глаза твои — от слёз...*

Иеремия 31:16–17

Нет на лбу моём ни морщинки.
И теплы все мои тропинки.
И рука не отпустит весло.
Но включаю свет – а темно.
Утро, вечер – а всё поминки.
Знать, пока что не пронесло...
А небесные корабли
беспечально плывут и плыли.
Что Господь приказал Рахили?
Не рыдать о тех, кто ушли.
...Берегите себя, родные,
те, кто близко и кто вдали!

НОВЫЕ СТИХИ

А ДЛЯ ПОЭТОВ
В МИРЕ СЧАСТЬЯ НЕТ...

* * *

День декабрьский тихо гаснет,
перцы зреют на окне...
Новогодний близко праздник,
только явно – не ко мне.
Полежу ещё немного,
побеседую с собой.
Тихо светится дорога –
вот мой праздник дорогой.
Десять лет шагать до дома
сквозь гирлянды перемен,
от разлуки до разгрома,
от разрухи до подъёма...
Где мой дом – спрошу у стен.
Их ответ не будет лживым –
стены сроду молчаливы.

* * *

Пойдём на берег Волги, милый сын.
Вода мокра и дивно разноцветна.
Там отстающий от мейстрима клин
царапнет душу битую конкретно...
Окажется, что ей не всё равно,
какое в парке крутится кино,
хоть парка нет, а только тлен и мусор.
Нет никого, кто то смотрел кино –
давно в земле лежат полоской узкой...
Мы видели вчера, как жирен червь
на кладбище – ну хоть не правь могилу!
Ужом свернётся обнажённый нерв.
Остынет всё. Лишь водка не остыла.

* * *

Лей надежды как молоко.
Потому что ты далеко.
Пей надежды как крепкий джин,
потому что ты тоже один.
Воздух зыбок, земля тверда,
спрячь себя в облаков стада.
Узнавать тебя в них легко,
потому что ты далеко.
Оторву кусочек дневной жары,
сберегу до самой лихой поры.
А потом придёт не пора, так весть:
«Всё, лечу уже. Приземляюсь в шесть».

* * *

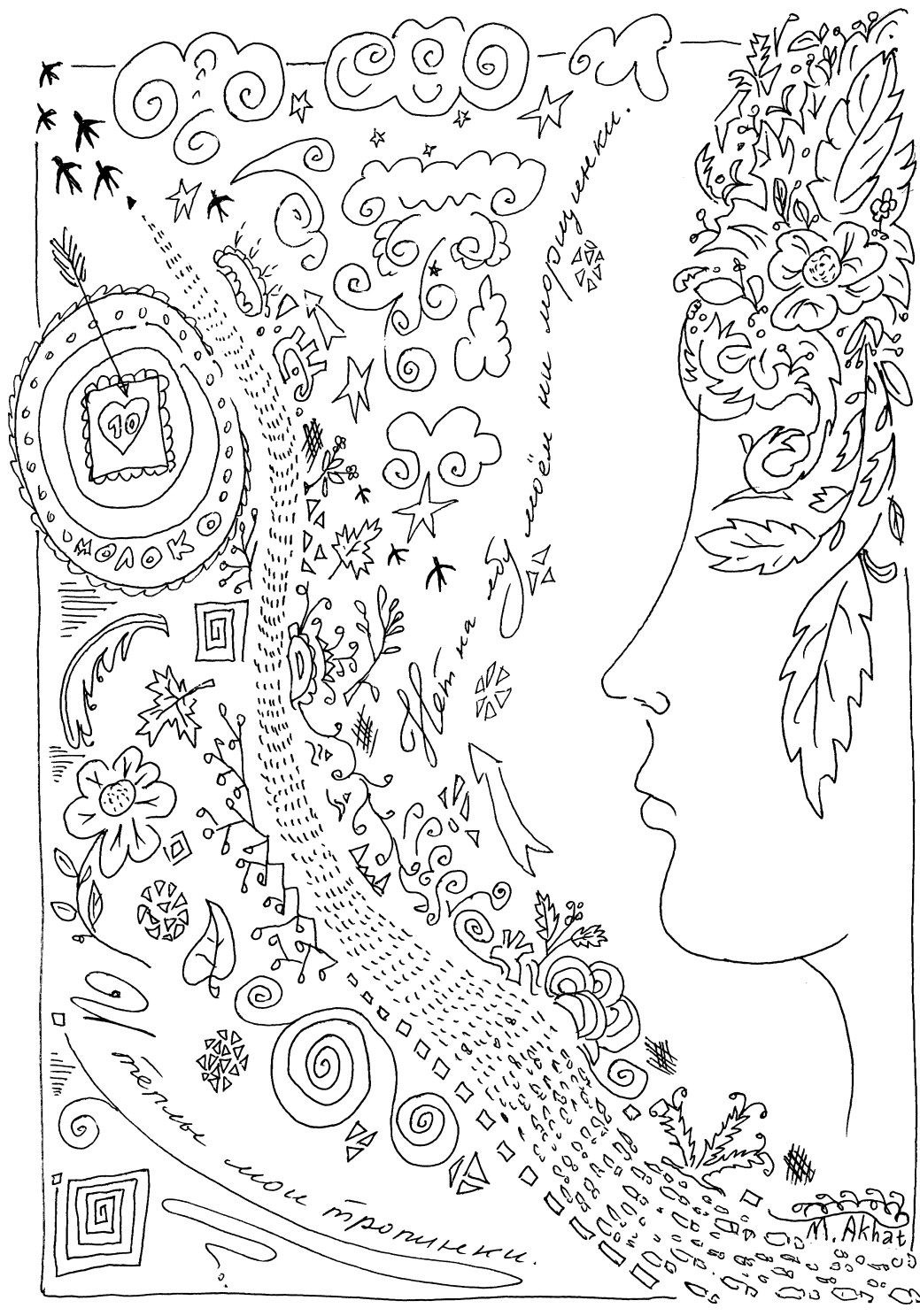
Нынче лето будет долгим.
За пределом мёртвой Волги.
И не странно, нет, не странно
на земле обетованной
оказаться мне, поэту.
Не кончайся, слышишь, Лето?
Я пройду по Назарету,
в Красном море окунусь,
ну, а где потом проснусь,
в общем-то, неважно это,
лишь бы длилось это лето –
я запомню наизусть...
Почему случится чудо –
я гадать про то не буду,
просто распахну окно...
Чудо – вот же, вот оно
и подобно изумруду...

Пляжный день

Как тает облако в бездонной вышине,
как светлой пулей пролетает птица,
так этот день уже не повторится,
так боль моя в меня не возвратится,
ну, нет её – на самом донном дне...
Я до конца не верую в себя,
но верую в людей, любимых мною,
и, если что, я грудью их закрою,
ведь каждый – я, и Бог тому судья,
что каждый был (и есть) немного мною.
Родные голоса на берегу.
Глядеть в глаза – отрада и спасенье...
Пусть летний день сорвётся в день осенний
и в дождь, и в слякоть, в стужу и в пургу,
но этот день печальных дней нетленней.

* * *

Я позволю тебе из Назарета.
Уже закат объял Иерусалим...
Обманчиво божественное лето.
В России мы уже расстались с ним.
А здесь... Лечу в божественную ночь
по скорым сумеркам земли обетованной,
а если б знал, как ты сумел помочь
увидеть жизнь и сладкой, и желанной
без скидок и почти без дураков,
отмытой добела в морях лазурных...
А Бог, теперь я знаю – есть любовь...
И только старость смотрит зло и хмуро.

* * *

Волны вновь меня качали,
теплоход причалил вновь.
Волны лечат от печали,
Волга чистит злую кровь.
А вчерашнее отчаянье?..
Можешь плакать, можешь – плыть...
Жизни трепетную тайну
ни понять, ни остудить.
Вот она тебя обнимет:
шум моторки, свет воды,
вечер долгий, вечер длинный
и далёкий от беды
спит младенцем у прибора,
чайкой реет над рекой...
Если счастье – то утроит,
если боль – собой накроет
и останется с тобой.

* * *

Я сегодня плыла до буйков
очень синего Красного моря.
Мой последний приятель таков –
уберёт от последнего горя,
от моей шелудивой сумы,
от судьбы – протоптаться на месте
на отрезке сгущения тьмы
до полочки последней повестки.
Отдохну от любимой страны,
где чем старше – никчёмнее люди,
где сбываются страшные сны...
Да и Родины сон беспробуден.
Здесь же радость смеющихся волн,
жаркий ветер с Негев и Синая.
Воздух, близостью Господа полн,
и луна, как любовь, золотая.

* * *

Сегодня море холодней
парного молока.
Сегодня мне уже видней
российская река.
Уже на завтра улетать
из рыженькой страны.
Ни свет её с собой не взять,
и ни цветные сны.
Прощай, прелестный уголок,
мой голубиный пух,
где под оливой дремлет Бог,
и Он ко мне не глух.

* * *

Стихов уже я написала тонну
 о том, что жизнь прекрасна и бездонна.
 И каждый был проверен и понятен.
 Все знают: даже Солнце не без пятен,
 а потому и в свете спрятан мрак.
 Стихи дарует Небо – как пятак
 на бедность. Принимаешь? Принимаю!
 Но фабула – счастливая ль, лихая ль,
 лишь фабула. Прими её, как стих.
 Поэт ты, и ты знаешь: на двоих
 такое не даётся. На двоих – даётся счастье...
 Но стать счастливой – разве что украсть
 чужие строчки, и судьбу чужую.
 Не вышло? Плачь. А небо-то ликует:
 оно тебя лепило, ты поэт,
 а для поэтов в мире счастья нет,
 в руках их счастье, словно шнур бикфордов,
 а после есть Россия и коньяк,
 и рифм неслабых, огнеликих орды,
 и пустяки, ЧТО там с тобой не так.

Колыбельная

Пишу: мне стыдно, что я нищая.
 Отвечают: ты не нищая, а волшебная.
 Пишу: а я в этом мире лишняя.
 Отвечают: нет, радость, – цветущая вишня ты,
 ты – целебная.
 Пишу: да я же такая старая!
 – Ну да, – отвечают, – для труда ударного...
 Тяжелы, пишу, мои заботы.
 – Ну, кто ж обвинит медовые соты?
 Они тяжелы, и жалятся пчёлы.
 А счастье (ты – счастье!) должно быть тяжёлым.
 Оно такое, когда человеческое.
 А всё остальное – лечится, лечится...
 Поцелуем. Объятьем. Неодиночеством.
 – Спасибо, любимый, и доброй ночи.

* * *

Враз кончилось сияющее лето,
пьянившее, как лишка коньяку.
Осталось мало золота на ветках,
его уже я сосчитать могу.
Да ничего, что золото фальшиво,
фантазии чуть-чуть – и заплачу́,
или заплачу: как мы были живы!
А лист: лечу, в последний раз лечу
я мимо окон, оборвавшись с ветки,
и мой последний – это первый раз.
Зачем ты плачешь, словно малолетка,
над тем, что не впервые Бог не спас?

* * *

Ну и хватит стихов на сегодня.
Приближается вечер и мрак.
Кто-то выпустил из подворотни
стаю не оскопленных собак...
И они побегут переулком,
им неважно, кто друг, а кто враг.
Одинокое сердце так гулко
бьётся, бедное, времени в такт.
Отвернись, завернись в одеяло.
И усни, как умри – в глубине
позабудешь, что времени – мало,
что повисло оно на плетне
так беспомощно, грубо, неловко
и безмолвно. Как камешек в пруд.
Спи, как юная спит воровка,
утащившая в сон изумруд.

* * *

Я не собрала яблоки в саду –
мне не хватило жадности и силы.
Опять же – осень, боль бродить в бреду
по саду, как вокруг твоей могилы.
Теперь мороз, и яблоки звенят,
наверное... на всю округу.
Но только тихо, чтоб не слышал сад,
как предали его мы, и друг друга.
Наш мальчик-сад, наш начатый роман,
наш мальчик-сын, мной названный Романом,
чтоб было всем понятно: не обман,
любовь свела двоих, друг другом пьяных.
Теперь же только яблоки в саду
с их замерзающим нутром висят на ветках.
Нет, не сниму – то будет на беду –
так думает рачительно соседка.

* * *

Тонкий снег лежит на крышах,
в мире праздник ноября.
Не молчи, я не услышу.
И слова все тоже зря.

Голубь сел на подоконник,
смерть умаялась и спит.
А покойник, что покойник?
Просто с карточки глядит.

Ни к кому не обращаюсь,
так, бурчу сама с собой.
Рифмы многое прощают,
бьются в окна. А на кой?

Подожди, пройдёт и это,
мне колечко говорит
соломоново, а лето –
лето скрылось. Без обид!

Лето много подарило,
но ведь кончилось... И вот
пустота всему мерило.
Скоро грянет новый год.

Година

Ось Земли уже промёрзла,
мёрзнут в норах мышь и крот.
Здравствуй, небо в стылых звёздах.
Ночь пройдёт – и скорбь пройдёт.
Во вращении планеты
есть одна лихая суть:
раз случилось что-то где-то,
повторится, не забудь,
в тот момент, когда созвездья
вновь сойдутся, как в тот раз.
Будет снова горе, бездна,
правда, легче – на чуть-чуть.
Потому что мир устроен,
учит нас лихая мать повторения –
ученья, что усвоено на раз...
Опыт будет твой утроен,
чтоб до крови, знай – до крови,
чтоб никто тебя не спас!
Но дождись уже рассвета –
сдвинется земная ось.
И придёт когда-то лето,
в общем, всё как повелось...

* * *

Снег светится как лёд,
а вечер так не вечен.
И знаю – всё пройдёт,
я только человечек.

Я маленький, большой,
я ничего не значу,
и мир горит свечой,
и надо б в нём – иначе...

Я не умею жить,
я глуп и малохолен,
но только б воздух пить
с ближайших колоколен!

И только б видеть снег,
дышать легко и вольно,
я, Боже, человек,
и умирать мне больно.

* * *

Вдыхаю воздух – выдыхаю счастье.
А мелкий дождик мочит первый снег.
Сугроб, едва родившись, на ненастье
был обречён; его недолог век.

А я – живу! Не знаю, сколь надёжно,
но счастлива надёжно – оттого,
что трогаю губами осторожно
ноябрьский воздух и печаль его.

А мокрый день так ветрен и неласков,
что кажется, за поворотом – тьма.
Сверну туда, а там не будет сказки,
лишь ночь и смерть, сума и Кострома.

* * *

Скорбная скань черноствольных деревьев по имени липа.
Купол церковки, а дальше обрыв и река.
Жизнь загустела и стала тяжёлой и липкой.
Думаешь – воздух вдыхаешь. Вдыхаешь – века.
Музыки хочется! нынче желательно Эдварда Грига...
Падает снег – равнодушен, прохладен и бел.
Сколько здесь было всего с сотворения мира!
Кто здесь ни плакал, и кто только песен ни пел...
Время моё – не моё, но иду по дороге
именно я, ослепительно-жарко жива!
Крошево льда и вчерашней надежды под ноги
сыплет зима. Холоднющая будет зима.

* * *

Оставьте сытому бутерброд.
Оставьте празднику пироги.
Оставьте манну тому, кто идёт.
Оставьте трусу слово «беги».
Оставьте собаке собачий лай.
Оставьте жадному кошелёк.
Себе возьмите слова «прощай»
и «кого-то Бог из нас уберёт».
Оставьте герою слово «вперёд».
И можно ещё: «ни шагу назад».
Садовнику – его расцветающий сад.
Оставьте люфт для того, кто врёт.
Оставьте предателю его ад.
Оставьте юному – пылкие сны,
Себе возьмите четыре стены
и знание: никто туда не придёт.
Оставьте море тому, кто ждёт.
Оставьте то есть его себе.
И пусть всё случится наоборот,
но не сдавайтесь лихой судьбе.

* * *

После буйной метели
так устала душа,
что лежит на постели
еле-еле дыша.
Побывала в купели
побелевшая с уст,
ну вставай, неужели
мир без милого пуст?
Нам закрыть бы ворота.
Видишь, ломится мрак,
видишь, много работы...
Без тебя мне никак.
Трудно движется тело,
словно посуху вплавь.
Лёжка вовсе не дело,
ты его не оставь...
Ты моя золотая,
ну давай уж, держись.
Так бывает, бывает,
это попросту жизнь.

